

- 5 Акты Святейшего Тихона... С. 104.
- 6 Там же. С. 107, 108.
- 7 Там же. С. 130.
- 8 Там же. С. 137–138.
- 9 Там же. С. 142–143. Слово патриарха Тихона записано протоиереем П. Н. Лахостским, запись просмотрена и одобрена патриархом. Отсутствие какого-либо черновика Слова подтверждает наблюдение протоиерея о выступлении Тихона экспромтом. Разумеется, православный патриарх высказал то, о чем мучительно думал с 19 июля, когда ВЦИК объявил о расстреле.
- 10 См.: *Радзинский Э.* «Господи... спаси и усмири Россию». Николай II: жизнь и смерть. М., 1993. С. 384, 404.
- 11 Известия ВЦИК. 1918. 19 июля.
- 12 Акты Святейшего Тихона... С. 144, 146.
- 13 Там же. С. 149, 150, 151.
- 14 Там же. С. 159.
- 15 *Карташев А.* Временное правительство и Русская церковь // *Современные записки.* Париж, 1933. С. 387, 388. См. также: *Сахаров А. Н.* Россия: Народ. Правители. Цивилизация. М., 2004. С. 576–579.
- 16 Акты Святейшего Тихона... С. 161.
- 17 Там же. С. 164.
- 18 Там же. С. 280–281.
- 19 Там же. С. 164.

А. Н. Фёдоров
Москва

Социальное измерение пореволюционного российского города: проблемное поле исследования

В современных условиях на первый план выходят новые подходы к области исторических исследований, в том числе, социальная история, со своим понятийным аппаратом, методами изучения, комплексами источников. Является актуальным обращение к человеческому измерению истории, к тому, что «обычно делают обычные люди»¹. Для социального историка интерес представляет общество, как совокупность неповторимых индивидуальностей, как пространство обитания всех людей. Понимание роли и места человека в историческом процессе на сегодняшний день выступает одним из основных требований к познанию прошлого. Речь идет о такой «истории, которая позволяет ответить на следующие вопросы: как люди думают, чувствуют, взаимодействуют при регулярном исполнении своих обязанностей дома, во время работы или нахождении в своем привычном материальном окружении»². Сам факт «обычной» жизни приобретает качественно иное научное значение, он есть нечто большее, чем простое описание события. Применительно к пространственно-временному единству, которое занимало советское общество, можно говорить ещё о большом спектре малоизученных проблем. Свое начало оно ведет от революции 1917 года, а географически, на момент распада государства, занимает 1/6 часть обитаемого, сухопутного пространства. В первой части данной публикации будут предприняты попытки обобщить существующие в отечественной науке подходы к исследованию городского сообщества на послереволюционном этапе своего существования (1917–

1920 г. — время от революционных потрясений и до окончания Гражданской войны). Должны быть получены ответы на такие вопросы, как: во-первых, в чем заключались непосредственные жизненные проблемы и интересы горожан, их ценностные ориентации в переломный момент истории? Во-вторых, как соотносилась деятельность индивидов по изменению и преобразованию собственной жизни с практическими действиями людей в повседневности? И, в-третьих, какие связи и взаимодействия субъектов совместного жизненного процесса определяют их существование? Понимание социального пространства города содействует адекватному освещению пути России в XX веке³, так как именно город станет определять вектор развития советского государства⁴.

Советская историческая наука при изучении текущих изменений в послереволюционном обществе основное внимание обращала на «конкретные социальные сдвиги»⁵. В 1920-е гг. первыми исследователями социальной стратификации выступают статистики, экономисты, а также ответственные работники. Необходимо сделать замечание, что статистические данные, относящиеся к 1917–1923 гг., страдают существенными недостатками, представлены неполно и «могут использоваться с большими оговорками при обязательном критическом подходе»⁶.

В июле 1918 г. был создан советский статистический орган — Центральное статистическое управление (ЦСУ), разработавший программу для губернских Статбюро по сбору сведений справочно-статистического характера на местах. Эта программа учитывала все главные стороны хозяйственной, социальной и культурно-бытовой жизни губерний. Сведения собирались по следующим позициям: территория и население, климат; организация промышленности, торговли, грузооборота, кооперации, коммунального хозяйства. Интересовались и статистикой труда, состоянием здравоохранения и уровнем образования, вопросами преступности, питания и страхования населения. Кроме недостатка в виде «дефектности» данных⁷, к их сбору на местах приступили в разное время, часто уже во второй половине 1920-х гг., что привело к полному отсутствию информации за 1917–1919 гг., в том числе, например, по ряду губерний Европейской России. ЦСУ предпринимало попытки наладить периодическое издание о положении труда. С этой целью в 1918 г. начинается выпуск журнала «Статистика труда». Благодаря ему освещение получили такие проблемы: рынок труда, безработица, заработная плата, производство, быт рабочих, обеспечение продовольствием и другое. Хотя в основном, издание обращалось к фабрично-заводской промышленности и к положению рабочих, ряд ценных сведений можно получить и по общегородской ситуации (например, о движении цен).

В историографии отмечается, что процесс изучения социальных отношений в 1920-е гг. проходил неравномерно. Большое внимание уделялось проблеме классового расслоения крестьянства, к «социальной структуре послереволюционного города интерес был невелик»⁸. Это может объясняться решающим численным преобладанием крестьянства среди всех социальных категорий в послереволюционном обществе. В числе немногочисленных работ по проблемам, связанным с городским населением, выделяются брошюры историка-экономиста С. Г. Струмилина (1919) и народного комиссара просвещения А. В. Луначарского (1924), посвященные выяснению состава пролетариата, и, соответственно, истории интеллигенции.

Собственно исторические труды по рассматриваемому вопросу появились только к середине 1930-х гг. (А. Е. Бейлин, М. И. Гильберт), но «и они не содер-

жали развернутой характеристики процесса становления социальной структуры»⁹ нового общества. В социально-экономической литературе первой половины 1930-х гг. обозначились трактовки вопросов об окончательной ликвидации эксплуататорских классов как уничтожении классов вообще. В противовес этой концепции «бесклассового общества» была выдвинута точка зрения о превращении рабочего класса и крестьянства в классы социалистические, качественно отличные по своей социальной природе, структуре и ряду основных признаков от пролетариата и крестьянства дореволюционной эпохи. Со второй половины 1930-х гг. осознается, что город представляет собой больший интерес для изучения, потому что здесь полнее, чем в деревне, были отражены элементы социальной структуры периода перехода от капитализма к социализму (1917–1936 гг.), а «противоречивость социальных отношений в городе ярче, социальные процессы динамичней»¹⁰.

Постепенно в науке складывается представление о том, что советское общество — есть совокупность двух классов (рабочих, колхозного крестьянства) и одной прослойки (интеллигенции). В период со второй половины 1930-х до конца 1950-х гг. появляются первые обобщающие работы по истории рабочего класса и крестьянства, выходит множество работ по частным вопросам¹¹. Во многом, совершенно справедливое понимание социальной расстановки, характерной для общества 1930-х гг. и последующего периода, искусственно переносилось на состояние социума в 1917–1920-х гг. Не учитывалось, что социальная структура длительное время оставалась аморфной, неопределенной, характеризовалась колоссальной социальной мобильностью, и утрата номинального статуса не всегда вела к утрате уважения со стороны окружающих, фактического положения. Вопрос обоснования критериев социальных границ, проблема выявления их подвижности для различных исторических периодов и для различных районов государства остались наименее разработанными.

В 1960–1970-х гг. выделяется ряд исследователей, занимающихся вопросами социальной структуры — В. З. Дробижев, Ю. А. Поляков, В. М. Селунская, О. И. Шкаратан и др. Они отмечают, что в период 1917–1920 гг. социальная структура России претерпела коренные изменения. Бывшие господствующие классы, ранее находившиеся у власти — помещики и городская буржуазия — были «ликвидированы как класс», лишившись политического господства, экономической базы и, «перестав существовать, как самостоятельная социальная сила»¹². В целом, в науке 1960–1980-х гг. исследование социальной структуры велось в двух направлениях. Изучались как общие закономерности развития общественного организма, так и история каждого из составляющих её элементов — рабочего класса, крестьянства, интеллигенции. В меньшей степени обращались к средним слоям города («народной интеллигенции», мелким дельцам, частным домовладельцам и др.¹³

Так как «вопрос о месте и роли рабочего класса являлся одной из главных политических проблем современности, объектом острейшей политической борьбы»¹⁴, основное внимание историков концентрируется именно на нем. Восприятие «прослойки» городской среды (интеллигенции) становится более рассеянным. В 1960–1980-е гг. доминирует мнение, что российская интеллигенция, будучи в массе своей буржуазной, в процессе строительства социализма «преображается» и постепенно становится под руководством партии советской, социа-

листической¹⁵. Вместе с рабочим классом и крестьянством они образуют новую историческую общность — «советский народ». Таким образом, послереволюционный период советской истории следует рассматривать как начальный отрезок этого пути¹⁶.

Вплоть до 1990-х гг. отечественные исследователи рассматривали формирующуюся после революции социальную структуру в рамках системы «2+1» (рабочий класс, крестьянство + интеллигенция). В настоящее время большую популярность получает гибридная структура, которая лучше соотносится с историческим материалом. Можно выделить пять социальных страт в российском обществе, которые различались по объёму прав, привилегий, обязанностей¹⁷. Этими стратами являются: номенклатура, квазипривилегированный класс в лице рабочих; специалисты и служащие; крестьянство; дискриминированные категории. Из недавно вышедших работ, посвященных вопросам социальной структуры, отметим монографию Т. М. Смирновой «"Бывшие люди" Советской России: стратегии выживания и пути интеграции. 1917–1936 годы» (М., 2003).

По вопросам, сопряженным с непосредственными жизненными проблемами и интересами людей, с их субъективно-осмысленным опытом, советская историография не дала удовлетворительного ответа¹⁸. Нравственный облик строителя нового общества по определению не мог быть плохим. Можно говорить о создании некоего идеального эталона, к которому надо стремиться, где нормы поведения выводятся из интересов борьбы против капитала. Все, что делает такой индивид — «высоконравственно»: его отличают мужество, героизм, преодоление нравственных пороков, коммунистическая мораль, отказ от «обветшалых» норм религиозной морали и идущих от предков патриархальных нравов¹⁹.

Одним из первых, кто попытался снять своеобразный «запрет» с освещения подобных вопросов в отечественной науке, стал В. В. Канищев. Ученый обратил внимание на погромное движение в городах России в 1917–1918 гг.²⁰, и пришел к выводу, что оно не было вызвано потребностями строительства нового общества. Ценным является определение исследователем понятия «бунт», которое распространяется на начальный этап советской истории. Под ним В. В. Канищев понимает: «...выступление сравнительно широких слоев населения, стихийное по происхождению, насильственно-разрушительное по форме, с явным преобладанием эмоционального протеста (“бессмысленного”) над идейным, осознанным протестом. Выступление, зачастую используемое различными политическими группировками в своих целях, направленное против непосредственного источника зла (господской или казенной собственности, отдельных господ или представителей власти), сопровождавшееся “беспощадным” истреблением противников и захватом их собственности»²¹.

Заметным явлением для отечественной науки стал выход в свет монографии В. П. Булдакова «"Красная смута": Природа и последствия революционного насилия» (М., 1997), которая встретила неоднозначное, иногда полярное отношение научной общественности²². Традиционно революция 1917 г. рассматривалась как грандиозный эксперимент по созданию нового общества, которое должно было определить направление развития мировой цивилизации на многие годы вперед. Этим переломным событиям посвящена обширная историография с широким спектром рассматриваемых сюжетов, но ряд таких проблем, как: появление психологии вседозволенности, повседневная жизнь человека, его быт,

умонастроения, восприятие окружающего мира и другие, остались в тени. Автор предпринимает попытки переосмыслить события 1917–1920-х гг., которые рассматриваются как «общенациональная катастрофа». Выявление духовной составляющей России, рассмотрение исторически сложившейся специфики социального устройства приводят ученого к выводу, что Россия — это «крестьянская страна», где город был «пронизан» крестьянскими ценностями и образом жизни. Российское общество проявило способность умом, эмоциями и действиями возвратиться к архаичным пластам культуры первобытного общества²³. «Маленький» человек отвечает на вызовы изменившегося мира активизацией своей деятельности на основе древнейших императивов, главными из которых стали: «человек человеку волк», «твое — это мое», «для достижения цели все способы хороши» и т. п. Это «психосоциальное возбуждение» приобретает форму насилия, что приводит к анархии, потере всех «сдерживающих начал». Данная социокультурная трактовка революции 1917 г. и начального периода советской истории отмечает «архаизацию общества», «разруху в умах» и взрыв массового насилия, которые приводят к «смуте»²⁴ с кровавым («красным») содержанием.

Важную роль в нормальном функционировании общественного организма играют условия социальной жизни. Это понятие многомерно, охватывает практически все сферы жизнедеятельности человека, начиная со сферы материальной и заканчивая сферой духовной. Применительно к истории послереволюционного общества в современной историографии вводится новое понятие — «стратегии выживания»²⁵. Под ним понимается совокупность техник, методов, форм приспособления населения к резко и постоянно меняющимся условиям жизни в нестабильное время. Первой монографией, где в центре исследования — реконструкция стратегий выживания, стала работа И. В. Нарского — «Жизнь в катастрофе: будни населения Урала в 1917–1922 гг.» (М., 2001). Данная работа принимается в качестве одной из знаковых для изучения послереволюционного социума²⁶. Сам автор объясняет интерес к исследованию тем, что «научной литературы о «маленьком человеке» в российской революции практически не существует»²⁷.

После изучения бытового окружения обитателей крупнейшего региона, ученый пришел к выводу, что для большинства населения основным содержанием революции и гражданской войны стало выживание в период разрушения привычного жизненного уклада. И. В. Нарский отмечает, что человеческая жизнь в этом обществе ценится «необычайно низко», ученый обнаруживает значительный кризис ценностных ориентаций населения, «провалы культурной памяти». Наиболее значимое место в данной работе занимает рассмотрение конкретных «стратегий выживания» переломного времени. Способы выживания представляли собой сложную комбинацию легального и наказуемого — они делились по сферам борьбы за существование, по степени лояльности к режиму, на активные и пассивные способы. Их техника была чрезвычайно многообразна, а происхождение и социальная принадлежность человека, несмотря на провозглашенную в России непримиримую классовую борьбу, «не оказывали столь мощного воздействия на повседневное существование, как всеобщее оскудение и разорение»²⁸.

Наибольший интерес при изучении послереволюционного общества представляет исследование практического измерения социальной жизни, которое связано с деятельностью людей в повседневности. История повседневности, как вполне полноправная область исторических исследований, получила признание

в отечественной науке относительно недавно, имеется объективная нехватка работ о повседневной жизни «маленького человека». Во многом это связано с тем, что продолжительное время в СССР и России сюжеты социальной истории носили не определяющий характер. В советской науке вся совокупность существенных черт практического измерения подводилась под категорию «быт». Под ней понималась сфера, включающая как удовлетворение материальных потребностей людей в пище, одежде, жилище, так и освоение человеком духовных благ, культуры, человеческого общения. К сожалению, данная категория применительно к истории первых лет советской власти не получила полного раскрытия²⁹. Быт признается советской наукой в качестве составной части культуры нового общества, которое развивается прогрессивно от менее совершенного типа культуры к более совершенному типу. Городское население в период 1917–1920 гг. ведет борьбу за преодоление объективных трудностей (разрушительное влияние Гражданской войны, эпидемии и т. д.), что «является частью борьбы за социалистическую культуру»; основное внимание уделяется государственным мероприятиям по улучшению быта³⁰.

Современная историческая наука подчеркивает необходимость отойти от отождествления истории повседневности с «бытом и нравами». Для конкретных обитателей социального пространства в определенное историческое время «быт является привычным и естественным; он служит фоном, на котором реализуются жизненные планы человека, складываются отношения между людьми». Быт подразумевает совокупность материальных условий существования индивида. Выяснив эти материальные параметры жизни, исследователь должен сделать следующий шаг — «понять повседневные заботы, тревоги, надежды людей изучаемой эпохи; попытаться увидеть их мир “изнутри”, понять смыслы, которыми они его наполняли»³¹. История повседневности подразумевает, в отличие от исторического бытописания, скорее изучение «рутинности происходящего», «повторяемости действия на определенном временном отрезке»³², цикличности жизненных ситуаций.

В настоящее время все больше и больше появляется работ теоретико-методологического характера, а также конкретных исследований по истории повседневности России (в том числе советского города). В историографии повседневность в теоретическом плане рассматривается в двух аспектах. И как «реконструкция ментального макроконтекста истории», и «как реализация приёмов микроисторического анализа»³³; это совокупность событий и процессов, которые повторяются изо дня в день в историко-культурных, политико-событийных действиях человека, создают фундамент его жизнедеятельности и умонастроений³⁴. «Повседневность» выступает с одной стороны, естественным состоянием человека в виде его частной каждодневной жизни. С другой, предполагается общительность, «общежитие» повседневной жизни, в которых фиксируются способы понимания «другого» индивида³⁵.

Современная наука постепенно начинает «отходить от строгой институционализации социальной жизни»³⁶, когда деятельность человека рассматривалась исключительно во взаимодействии с государством, как следствие морального влияния религии, как фактор освоения культуры и т. п. Больше внимание уделяется конкретным характеристикам человека, его повседневному существованию, взаимодействию с другими субъектами. С методологической точки зрения представля-

ют интерес наработки Н. Б. Лебиной в рамках концепции девиантного поведения, которая прикладывается к повседневной жизни советского города³⁷. Исследователь использует «дихотомию»: «норма-аномалия», «социальное добро-зло». Основными составляющими городской жизни автор признаёт пьянство, преступность, проституцию, смерть. А также новый быт, дом, одежда, досуг, частная жизнь³⁸.

В историографии подчеркивается, что обращение к источникам, так или иначе затрагивающим проблему революционного насилия, может привести к неизбежному смещению внимания к патологическим сторонам реальности, а ученый «рискует выступить в роли смакователя девиантного поведения людей»³⁹. Советскую науку⁴⁰ справедливо упрекают в «лакировке» действительности, в игнорировании определенных болезней социума. Но «постсоветская историческая литература грешит чрезмерным увлечением именно аномалиями, якобы заменившими собой социальные нормы»⁴¹. Имеются веские критические замечания относительно наработок Н. Б. Лебиной⁴². С другой стороны, число сторонников дихотомии «норма-аномалия» достаточно велико⁴³.

«Норма» означает некий руководящий принцип, правило, образец поведения. Они вырабатываются на определенном историческом этапе, и предъявляются конкретным субъектам для того, чтобы регулировать общую социальную жизнь. Принимая нормы и старательно следуя им, человек получает возможность взаимодействовать с социумом в целом. Ответ на вопрос о допустимом, желательном и должном поведении в подавляющем большинстве случаев получается из сложившихся социальных норм, в которых аккумулируется опыт многих поколений. Они складываются исторически, например, в первобытную эпоху вполне «нормально» убить и съесть своего противника, но это недопустимо в современном, техногенном обществе, что свидетельствует об изменчивом характере нормативности.

«Аномалия» — это точка перехода от «старого» к «новому» состоянию вещей. Одновременно она является «отклонением» от привычного жизненного уклада. Такое «отклонение» может выступать и как проявление беспорядка, и как переход к другому, новому порядку⁴⁴. У авторов, работающих в рамках указанной дихотомии, «аномалия» обладает многозначностью: неясно, то ли она нарушение порядка, то ли выход за его пределы на иной уровень, когда появляется нечто новое. Кроме того, девиация не столько отклонение от общих социальных норм, сколько следование нормам, которые действуют в экономических отношениях, в общении между людьми, в отдельных субкультурах. Природа преступности, проституции, алкоголизма, наркомании и некоторых других аномалий связана с нарушением границ между частной и публичной жизнью⁴⁵. Определяющее место в девиантном поведении занимает психическая зависимость, например, от наркотиков, алкоголя, склонности к совершению преступления, преодолеть которую трудно даже с помощью специального лечения. Эти аномалии: во-первых, являются отраслями бизнеса, законы которого не связаны с моралью, здоровьем, где главной целью является получение прибыли (например, наркобизнес). Во-вторых, возникает зависимость, которая губительно воздействует на физическое и душевное состояние человека⁴⁶. В-третьих, формируется определенный образ жизни, специфическая система интересов, ценностей, следование которым дает основания выделять особую субкультуру⁴⁷. В-четвертых, такая субкультура активно присутствует в любом месте и времени, где есть человек.

Социологическое объяснение девиантного поведения состоит в том, что люди напрямую зависят от кризисных явлений в общественном развитии, радикальных социальных перемен. 1917–1920 гг. — время масштабного социального и экономического разложения России, вызванного последствиями революции, мировой и гражданской войн. Рядовой человек утрачивает нормативные идеалы и хоть какой-то смысл существования. Идет потеря ориентации в сложном окружающем мире, все мысли были лишь о дне сегодняшнем и о том, как его прожить. В этом плане, следует согласиться с И. В. Нарским, который определяет место девиантного поведения, как «способ, стратегию выживания слабейших»⁴⁸, что вызывалось общими условиями жизни в нестабильное время.

К познанию структур повседневности можно подходить с позиций исторической антропологии и социальной истории⁴⁹. Главной задачей исторической антропологии является «вербальная реконструкция поведения субъектов прошлого путем воссоздания присущего *им* способа восприятия действительности, знакомства с *их* возможностями осознания себя и мира». Поскольку «вопросы о том, почему это было написано и что оно вообще обозначает, стали задаваться все реже», то вербальная реконструкция имеет большое значение как метод исследования, потому что идет апелляция к внутренней точке зрения самих участников исторического процесса, значимым будет представляться лишь то, что было значимым с *их* точки зрения⁵⁰.

Так как любой человек вступает во взаимодействие с другими людьми, оформляется некое пространственно-временное единство, составляющее плоть хронотопа. Примерами хронотопов, которые имеют социальное значение, служат — дом (жилище), городской транспорт и т. п. Повседневную жизнь человека можно представить как циклическое движение по кругу хронотопов повседневности, например, дом — дорога — работа⁵¹, которые, в свою очередь, отделены друг от друга пространственными и временными границами⁵².

Социально-исторический подход в познании структур повседневности предполагает взаимозависимость макро-, мета- и микро- уровней рассмотрения общества. Материальные параметры жизни задают определенную «матрицу» повседневности, где для каждого человека существуют пределы индивидуализации повседневной жизни⁵³. Социальная стратификация, прежде всего анализ социальной структуры, дает общую типологию социальных категорий и общий ориентир в познании типов повседневности. Историческая демография (половозрастной состав населения) определяет ещё один срез изучаемого феномена. Значительную помощь могут оказать наработки социологов⁵⁴, статистиков. Сочетание историко-антропологических и социально-исторических позиций позволит воссоздать типологию и «образы» повседневности городской жизни⁵⁵.

На примере жизненного мира отдельной семьи, постоянно проживающей в 1917–1920 гг. в городе Москве, попробуем проследить взаимодействие исторической антропологии и социальной истории. Предмет рассмотрения — семья крупнейшего историка Степана Борисовича Веселовского (1876–1952), автора классических трудов по истории средневековой Руси, действительного члена Академии Наук СССР. В тот исторический момент он — доктор истории русского права, профессор Московского университета, ему чуть более сорока, женат, есть дети. Основным источником послужат синхронные событиям дневниковые записи главы семейства, ведшиеся непрерывно в период 1915–1923 гг.

Взгляды на произошедшие изменения, революцию, последствия войн были часто прямо противоположными у представителей разных социальных слоев российского общества. Множество оценок существовало и у представителей в целом социально однородных групп, в этом отношении, — наиболее сложную, многоликую картину являет собой русская интеллигенция, к которой принадлежали Веселовские. В структурном плане интеллигенция в начале XX века не представляла большинства общества, по подсчетам историков, к 1917 году этот показатель примерно на уровне — 2,4 %⁵⁶. В то же время она играла определяющую роль в развитии культуры и формировании общественного мнения. Уровень образования, широта мировоззрения, обеспеченные во многом личной незаурядностью, обострили остроту восприятия происходящих событий, усилили способность к критическому анализу. Особое положение занимает научная интеллигенция: специфика ее труда, поиск истины предполагают большую степень индивидуальной свободы, чем любой другой вид общественной деятельности. Итак, видим, что людей, которые способны грамотно, самостоятельно оценить новую обстановку, исходя из социальной стратификации, не могло быть много.

Мировоззрению нашего автора присущ изрядный субъективизм в плане оценки большевизма и политического устройства. Например, он отмечает, что «не видел ни одного коммуниста, про которого можно было бы сказать, что он удовлетворительный работник-трудящийся, партийная принадлежность стала форменным паразитизмом»⁵⁷. Стратификация помогает адекватно оценить суждения подобного рода. Социально-профессиональный статус, столичная среда обитания, дворянское происхождение, высокое материальное положение до революции, ярко выраженная либеральная позиция и т. п. показывают уникальность этого ученого, даже в лоне немногочисленной интеллигенции. С другой стороны, бытовой фон жизни семьи Веселовских является достаточно характерным для Москвы указанного периода. Глава семьи — основной кормилец в «доме» и историк на «работе». Попробуем представить его жизнь как движение по кругу хронотопов «дом» — «дорога» — «работа». Примерно такой же путь проходит любой человек среднего возраста в послереволюционной Москве, отпечаток накладывают лишь отдельные моменты, например, профессия, семейное положение, место проживания и т. п.

Люди творческого таланта, ученые в отличие от других профессий больше зависят от прочности и стабильности общества и государства. Новый, еще незрелый общественный строй Советской России, ведущий борьбу с грабежами, убийствами, дикой разрухой, на первом этапе своего существования не нуждается в ученых; он забыл о них. Поэтому научным сотрудникам приходилось терпеть невероятную нужду и лишения. Перед С. Б. Веселовским альтернатива — «или остаться в прежней среде, но оставить всякую мысль о научной работе... или направить все свои силы и образование на материальное обеспечение»⁵⁸.

Наш персонаж вынужден читать лекции по пчеловодству, организовывать мастерскую ульев и пчеловодных принадлежностей, бросать занятия для того, чтобы помочь родным в уборке картофеля и т. п. В апреле 1919 г. ученый зарабатывал в университете три тысячи рублей в месяц, но еще столько же необходимо было добывать займами или продажей вещей. Чтобы купить необходимые продукты, историк станет продавать свои вещи: шкаф-классификатор для архивных документов, рукописи, старопечатные книги, шелковые занавески, столовый

сервиз, улы. Ему также пришлось осваивать азы торговли хлебом и медом. От черного хлеба и соли и заканчивая такими «предметами роскоши», как мыло, «обыватель должен добывать нелегально»⁵⁹.

После окончания рабочего дня человек возвращается в свой «дом». Внешние границы «жилища» в послереволюционном городе находятся под постоянной угрозой нарушения. К тебе могут пожаловать с обыском, и сложно понять, «то ли это бандиты, то ли большевики, когда приемы и цели у них одинаковые, а всевозможные мандаты и удостоверения личностей легко подделать». Тебя могут «уплотнить», при этом выгнать из квартиры. В конце концов, недвижимое имущество иногда «просто реквизируется»⁶⁰. Социальный статус в этом случае не имеет значения. Например, в ноябре 1918 г. в «рабочем» Сокольническом районе Москвы сложилась такая ситуация. В Президиум Сокольнического Совета Депутатов от жильцов дома № 32 по Красносельской улице поступил ряд заявлений на противоправные действия членов военной коллегии Северных железных дорог. Основной контингент нанимателей квартир дома № 32 — трудовой элемент, здание перенаселено, в сорока квартирах проживают более трехсот человек, так что дом «навряд ли может подлежать еще большему уплотнению». Члены военной коллегии в количестве пяти человек самовольно заняли необходимое им жилье, выселив прежних обитателей на улицу. Один из членов коллегии, т. Чернышев, занимая жилплощадь, всячески угрожал не желавшим съезжать людям, пообещав лично «дать в зубы» председателю домового комитета В. С. Самарину, который принял сторону жильцов. Другой военный, т. Зюзин, сулил «то тюрьму, то арест и даже расстрел». Сокольнический Совет Депутатов приостановил выселение, до выяснения всех обстоятельств⁶¹. Как дальше складывалось дело — неизвестно.

Или другой пример — в сентябре 1918 г. по доносу был арестован врач Л. С. Давыдов, проживавший по адресу Ивановская, 34, и вместе с сыновьями препровожден в Бутырскую тюрьму. Жена и мать А. Д. Давыдова ожидала их возвращения со дня на день, но участь выпущенных на свободу незавидна, так как уже было реквизировано движимое и недвижимое имущество семьи. Когда Л. С. Давыдов выйдет из тюрьмы «...у него не окажется ни кровати, ни стула, на котором он мог бы сидеть, ни даже профессиональных инструментов, чтобы кормить себя с семейством. Полное разорение и не известно за что»⁶². Схожие события произошли и в семье Веселовских ровно через год, в сентябре 1919 г. Ю. В. Готье вспоминал, что был «раскрыт» некий «кадетский заговор»⁶³, сопровождавшийся массовыми арестами. На квартире у известного историка Д. М. Петрушевского была устроена засада, в которую попали А. А. Кизеветтер, М. М. Богословский с женами, С. Б. Веселовский вместе с сыном Всеволодом. Хозяева и гости были арестованы и направлены в Бутырку. В тюремной камере находилась «разномастная публика»: офицеры, профессора и преподаватели учебных заведений, и даже монгольский дипломатический представитель с секретарем китайцем⁶⁴. Обыски на дому у Веселовских не производились, и, спустя две недели, без предъявления каких-либо обвинений, они были выпущены на свободу. По сравнению с Давыдовыми, им повезло.

Предметом особого разговора являются стены домов, на которых отразились последствия революционных боев октября–ноября 1917 года. Например, дом № 5–6 по Скатертному переулку, «попав в сферу огня, сильно пострадал от орудийного огня (свыше двадцати попаданий) и был приведен почти в полную

негодность»⁶⁵. Не лучше пришлось и дому № 15 по Никитскому бульвару. Оказавшись в центре баррикадных боев, «пулеметный и даже артиллерийский огонь разрушили часть карниза дома, были выбиты все стекла и частью рамы в верхних этажах, изрешеченной оказалась вся крыша»⁶⁶. Непокойная атмосфера приносила колоссальные расходы. Врач З. Гозев из дома № 25 у Никитских ворот только на ремонт выбитых стекол потратил сумму, в три раза превышающую месячную ставку наемной платы за квартиру. От попавших в стену пуль заметно понизилась теплоемкость здания, и жителям дома № 25 пришлось пережить холодную зиму⁶⁷. Стрельба в Москве еще долго не будет утихать. В апреле 1918 г. в результате действий анархистов появилась пробоина в наружной стене дома № 23 по Малой Дмитровке, а «ниже этой пробоины другой снаряд не пробил стены и остался неразорвавшимся»⁶⁸. Физическое воздействие внешних обстоятельств на московский «дом» является очевидным.

Перейдем к внутреннему пространству «дома». С. Б. Веселовский свидетельствует, что, если вам оставят жилье, то не стоит «преждевременно радоваться». Во-первых, оно не отапливается. Приходится коротать зимние вечера в холодной квартире с пустым чаем и черным хлебом. Во-вторых, деревянные дома разрушают и жгут, так как не хватает топлива, а каменные становятся негодными, потому что разрушена, испорчена морозом система водопровода и канализации. В-третьих, опустившаяся публика будет проявлять в удовлетворении своих естественных нужд большой цинизм⁶⁹. Простой человек охраняет свою квартиру, хотя считалось, что это обязанность государства⁷⁰. Мелкое и крупное воровство стало «обыденным явлением и почти ни у кого не вызывает осуждения»⁷¹.

Жалобы жильцов на «неудобообитаемость», непригодность, ветхость значительной части квартир были характерны для Москвы 1917–1918 гг.⁷² Отсюда многие москвичи покинут столицу, и переберутся в провинцию, где было легче прокормить себя. Для историка это летняя дача в Подмосковье. Огород, сад и пчельник — во многом то, что помогло выжить. Он постигает огородное дело, готовит парники, добывает первобытным способом муку, заготавливает дрова, изучает устройство русской печи и т. п.⁷³ Чтобы попасть к себе на дачу, С. Б. Веселовский постоянно пользовался железнодорожным транспортом. Поэтому он оставил много ярких зарисовок на тему «дороги». Вагоны с выбитыми стеклами, сломанными дверями, диваны без обшивки, пол загажен. Поезда ходят без расписания, царит сильный беспорядок в «правилах» выдачи билетов и посадки пассажиров, в вокзалы не пускают, присутствуют всевозможные злоупотребления и несправедливости⁷⁴. Народа внутри вагонов на порядок выше нормы. Те, кто не сумел втиснуться, располагались на буферах и крышах вагонов. По ним будет стрелять железнодорожная охрана и однажды даже убьет такого «крышника». Матросы и добровольцы из публики отомстят за убитого, остановят поезд и избыют до смерти красноармейца. Пример народного суда без всяких правовых формальностей⁷⁵.

Общий итог наблюдений ученого неутешителен: «Города и столицы совсем скоро будут островами недоступными извне. Ведь дело дойдет и до крыс... насколько живуча умирающая страна или, вернее, насколько приспособляем гражданин 1/6 части вселенной»⁷⁶.

Фактически, в советском государстве ученый и его семья сами заботятся о своем существовании, главной задачей становилось прожить сегодня, что будет

завтра — уже не имело столь большого значения. Историческая антропология, таким образом, помогает понять внутренний мир «маленького» человека, его заботы и тревоги. Любая область исторических исследований (военная история, политическая история, экономическая история и др.) может быть подвергнута «оповседневиванию», и, таким образом, «станет более очевидным и ясным тот мир, в котором людям пришлось жить»⁷⁷. В изучении истории послереволюционной России наибольших успехов добилась политическая антропология⁷⁸.

В истории повседневности по-иному начинает восприниматься исторический источник. Существенно расширяется источниковедческая база исследований за счет новых подходов и работы с различными группами источников⁷⁹. С одной стороны, круг источников сравнительно многообразен, поскольку у каждого была «своя» повседневность, смыкающаяся на макроуровне в целостную повседневность эпохи. С другой стороны, в сложившемся документальном комплексе имеются существенные пробелы, порождающие несоответствия, неравномерность и отчасти несовместимость показаний между собой. Прежде всего, это касается источников личного происхождения⁸⁰. Люди могут оставить после себя различные виды и типы источников, отражающие историю их каждодневного существования. Особой выразительностью обладают эго-документы. Чтобы стать автором подобного источника, человек должен был обрести биографическую идентификацию⁸¹, осознать значимость своей судьбы для судеб государства. Такие источники зачастую велись тайно, и с позиции самосохранения благоразумнее было молчать, поэтому значительный круг источников по истории советской повседневности составляют воспоминания, созданные не синхронно, а через много лет после описываемых событий⁸².

В исторических исследованиях для создания конкретных «образов» понадобятся: специальная литература (например, данные о жилищном строительстве, акты технического осмотра домов и т. п.); материалы смежных дисциплин, статистика⁸³, а также архивные данные; массовая печать; художественная литература⁸⁴. В истории повседневности на первый план выходят массовые источники личного происхождения, которые ранее рассматривались как «второстепенные» и «субъективные»⁸⁵. Формализовать подобный материал можно следующим образом: в собранных однородных показаниях источников выделяются отрывки текста (секвенции). Затем они структурируются по темам «факт», «контекст», «субъективная значимость для индивида», и в дальнейшем формализованный материал подвергается анализу с точки зрения повторяемости встреченной информации⁸⁶.

Таким образом, можно сделать вывод, что историческая наука уже определила поле для конкретных исследований о городском обществе в послереволюционной России. Необходимо раскрыть проблемы взаимодействия людей в повседневности, изучить жизненное пространство «маленького» человека. Сочетание наработок исторической антропологии и социальной истории позволит в полной мере понять человеческое измерение истории.

Примечания

- 1 Холмс Л. Ю. Социальная история России: 1917–1941. Ростов-на-Дону, 1994. С. 22.
- 2 Белова А. В. Женская повседневность как предмет истории повседневности // Этнографическое обозрение. 2006. № 4. С. 89.

- 3 См.: *Сенявский А. С.* Российский город в 1960–1980-е годы: Автореф. дисс. ... д-ра ист. наук. М., 1995. С. 3, 5.
- 4 См.: *Фицпатрик Ш.* Повседневный сталинизм. Социальная история России в 30-е годы: город. М., 2001. С. 8, 9.
- 5 Изменения социальной структуры советского общества. Октябрь 1917–1920 гг. / Отв. ред. В. М. Селунская. М., 1976. С. 34.
- 6 Население России в XX веке: В 3-х т. М., 2000. Т. 1. С. 92.
- 7 См.: Труды ЦСУ. Статистический ежегодник 1918–1920 гг. М., 1921. Т. VIII. Вып. 1. С. 3.
- 8 См.: Изменения социальной структуры советского общества... С. 35 – 39.
- 9 Там же. С. 43.
- 10 *Жиромская В. Б.* Советский город в 1921–1925 гг.: Проблемы социальной структуры. М., 1988. С. 4.
- 11 См.: Изменения социальной структуры советского общества... С. 49–52.
- 12 *Поляков Ю. А.* Изменение социальной структуры в СССР. Доклад на XIII Международном конгрессе исторических наук. 16–23 августа 1970 г. М., 1970. С. 7, 8.
- 13 В современной историографии отмечается практическая не изученность вопроса о городских средних слоях в послереволюционном городе. См.: *Канищев В. В.* Городские средние слои в период формирования основ советского общества. Окт. 1917–1920-е гг. (По материалам Центра России): Автореф. дисс. ... д-ра ист. наук. М., 1998. С. 5.
- 14 *Ворожейкин И. Е.* Очерк историографии рабочего класса СССР. М., 1975. С. 4.
- 15 См.: *Главацкий М. Е., Кондрашева М. И.* Интеллигенция и революция (историографические заметки) // Интеллигенция в советском обществе: межвузовский сборник научных трудов. Кемерово, 1993. С. 37.
- 16 «*Советский народ*» постепенно оформляется в качестве новой формы социальной общности после победы Октябрьской революции. В 1920-е годы это население, «сплоченное вокруг ленинской партии в процессе строительства социализма». См.: *Куличенко М. И.* Образование и развитие советского народа как новой исторической общности // Вопросы истории. 1979. № 4. С. 4, 13, 17.
- 17 См.: *Саламатова М. С.* Методология анализа социальной структуры постреволюционного и современного российского общества // «Новые» и «вечные» проблемы философии. Сб. научных трудов второй конференции аспирантов и соискателей СО РАН, Новосибирск, 24 мая 1999 г. Новосибирск, 1999. С. 39, 40.
- 18 Советская наука оперировала понятием «*социалистический образ жизни*», под которым понимался исторически сложившийся тип общественных связей в общем контексте социалистического и коммунистического строительства. В начале переходного периода от капитализма к социализму «носителем и главной силой нового образа жизни выступал рабочий класс». (См.: *Касьяненко В. И.* Историография социалистического образа жизни в СССР // Вопросы истории. 1980. № 1. С. 10).
- 19 См.: *Шишкин В. Ф.* Великий Октябрь и пролетарская мораль. М., 1976. С. 5, 10, 11, 13, 238, 239.
- 20 В советской науке считалось, что в погромном движении участвовали исключительно уголовные элементы, «за спиной которых, как правило, выступали силы контрреволюции». (См.: *Кани П. Я.* Борьба рабочих Петрограда с пьяными погромами (ноябрь – декабрь 1917 г.) // История СССР. 1962. № 3. С. 133). Канищев отметил, что в пьяных погромах активную роль играли рабочий класс, красногвардейцы и матросы.
- 21 *Канищев В. В.* Русский бунт – бессмысленный и беспощадный. Погромное движение в городах России в 1917–1918 гг. Тамбов, 1995. С. 3.
- 22 См.: *Ахизер А. С.* Важный концептуальный поворот в российской науке об обществе // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. 1999. № 1; *Данилов А.* Красная смута: взгляд из толпы // Новая книга России. 1999. № 4; «Красная смута» на «круглом столе» // Отечественная история. 1998. № 4; *Фурсов А. И.* О книге В. П. Булдакова «Красная смута: Природа и последствия революционного насилия» // Русский исторический журнал. 2000. Т. III. № 1–4 и др.
- 23 См.: *Булдаков В. П.* Красная смута: Природа и последствия революционного насилия. М., 1997. С. 8–24; *Он же.* НЭП как путь к деспотии: динамика и векторы психосоциальной напряженности // Русский исторический журнал. 2001. № 1–4. Т. IV. С. 171, 186.
- 24 Там же.
- 25 Авторство признается за В. В. Канищевым, исследователь предложил первую классификацию способов выживания – легальные, полуполегалные и нелегальные (запретные) способы. (См.:

- Канищев В. В. Приспособление ради выживания (мещанское бытие эпохи «военного коммунизма») // Революция и человек: быт, нравы, поведение, мораль. М., 1997. С. 100.
- 26 См.: Журавлев С. В. Размышление на заданную тему // Отечественная история. 2003. № 1. С. 137.
- 27 См. интервью с И. В. Нарским: Бавильский Д. Назад в будущее: Россия, которую мы и не думали терять // http://www.kultura-portal.ru/tree_new/culpaper/article.jsp?number=340&rubric_id=1000188&crubric_id=1000189&pub_id=173880
- 28 См.: Нарский И. В. Жизнь в катастрофе: Будни населения Урала в 1917–1922 гг. М., 2001. С. 20–27, 387–390.
- 29 См.: Rosenberg W. G. Problems of Social Welfare and Everyday Life // Critical companion to the Russian revolution. London, Sydney, Auckland, 1997. P. 633.
- 30 См. обобщающую монографию под редакцией академика М. П. Кима: Великая Октябрьская социалистическая революция и становление советской культуры. 1917–1927 гг. М., 1985. С. 444–454.
- 31 Кром М. М. Повседневность как предмет исторического исследования // История повседневности: Сборник научных работ. СПб., 2003. С. 8.
- 32 См.: Сальникова А. А. Источники по истории советской повседневности: основные разновидности и особенности анализа // Перекресток культур: Междисциплинарные исследования в области гуманитарных наук: Сб. статей. М., 2004. С. 264.
- 33 См.: Пушкарева Н. Л. Предмет и методы изучения истории повседневности // Этнографическое обозрение. 2004. № 5. С. 9.
- 34 См.: Савельева И. М., Поletaев А. В. История как знание о социальном мире // Социальная история. Ежегодник, 2001/2002. М., 2004. С. 22.
- 35 См.: Пушкарева Н. Л. Частная жизнь и проблема повседневности глазами историка // Города Европейской России конца XV — первой половины XIX века. Тверь, 2002. Ч. 1. С. 56, 57.
- 36 См.: Останина О. А. Повседневность и историческое познание: методологические аспекты // Повседневность как текст культуры: материалы международной научной конференции, г. Киров, 27–29 апреля 2005 г. Киров, 2005. С. 6.
- 37 См.: Лебина Н. Б. Теневые стороны жизни советского города 20–30-х годов // Вопросы истории. 1994. № 2; Она же. Повседневная жизнь советского города: нормы и аномалии 1920/1930 годы. СПб., 1999.
- 38 Там же.
- 39 Булдаков В. П. К изучению психологии и психопатологии революционной эпохи // Революция и человек: социально-психологический аспект. М., 1996. С. 14.
- 40 Хотя в историографии долгое время считалось, что в советском обществе некоторые формы отклоняющегося поведения не имели и не имеют места, все же появились отдельные работы по данной проблематике. Историки относят девиации к социально патологическим и социально опасным явлениям. (См.: Бордюгов Г. А. Социальный паразитизм или социальные аномалии? (Из истории борьбы с алкоголизмом, нищенством, проституцией, бродяжничеством в 20–30-е годы) // История СССР. 1989. № 1. С. 60, 73).
- 41 См.: Смирнова Т. М. «Бывшие люди» Советской России: стратегии выживания и пути интеграции. 1917–1936 г. М., 2003. С. 5.
- 42 А. С. Сенявский отмечает, что собственно нормальная составляющая городской жизни уходит от автора на второй план, практическое многообразие городской жизни сводится к патологическим или маргинальным проявлениям. «Методологическая некорректность такого подхода становится очевидной, если задать простой вопрос: “Как же те же самые люди, жители Ленинграда, «погрязшие», если верить автору, в социальных аномалиях в 1920/1930 годы, лишь через несколько лет проявят массовый героизм, отстояв город, выдержав ужасную длительную блокаду?”». (См.: Сенявский А. С. Повседневность как методологическая проблема микро- и макро- исторических исследований (на материалах российской истории XX века) // История в XXI веке. Историко-антропологический подход в преподавании и изучении истории человечества. М., 2001. С. 29).
- А. Иконников-Галицкий обращает внимание на противоречия между объективными данными, на которые опирается Н. Б. Лебина, и теоретической предвзятостью выводов, которые «подчинены определенной тенденции: сгустить краски вокруг зловещего монстра сталинской тоталитарной системы». Кроме того, подчеркивается качественная особенность монографии — «норма, хотя она и определяет поведение человека в девяноста пяти случаях из ста, не столь увлекательна и разнообразна, как отклонения от нее. Это придает книге, в общем, вполне научной, элемент занимательности и даже интригующей увлекательности». (См.: Иконников-Галицкий А. Высве-

- ченная повседневность: Лебина Н. Б. Повседневная жизнь советского города: нормы и аномалии 1920/1930 годы. СПб., 1999 // <http://www.bookman.spb.ru/11/Lebina/Lebina.htm>
 В более поздней работе «Обыватель и реформы: Картины повседневной жизни горожан». (СПб., 2003), Н. Б. Лебина признала, что соблазны различного рода «занимали не у всех горожан и не все их свободное время, отличавшееся большим разнообразием». (См.: *Лебина Н. Б., Чистиков А. Н.* Обыватель и реформы: Картины повседневной жизни горожан. СПб., 2003. С. 10).
- 43 См.: *Мусаев В. И.* Преступность в Петрограде в 1917–1921 гг. и борьба с ней. СПб., 2001; *Папин С. Е.* Повседневная жизнь советских городов: пьянство, проституция, преступность и борьба с ними в 1920-е годы (на материалах Пензенской губернии): Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Пенза, 2002; *Захарцев С. Н.* Преступность в Тамбовской губернии и борьба с ней правоохранительных органов в период НЭПа (1921–1928 гг.): Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Пенза, 2003; *Папин В. П.* Советская Россия в 1920-е годы: власть, социальные аномалии, общество. Курск, 2006 и др.
- 44 См.: *Сутырин М. А.* Междисциплинарность повседневности // Наука и повседневность: коммуникация, междисциплинарность, металингвистика: Материалы пятой межрегиональной научной конференции. Н. Новгород, 2003. Вып. 5. С. 15.
- 45 См.: *Козырьков В. П.* Идеи социальной девиации в пространстве здравого смысла // Там же. С. 51.
- 46 См.: Там же. С. 52, 63.
- 47 См.: *Черников А. И.* Методические проблемы выявления ценностных ориентаций в повседневной деятельности населения // Ценности повседневной деятельности горожан. М., 2004. С. 81.
- 48 *Нарский И. В.* Указ. соч. С. 442.
- 49 См.: *Керов В. В.* Дискурсивный анализ в социоисторическом подходе: потенции методологического синтеза // Методологический синтез: прошлое, настоящее, возможные перспективы. Томск, 2002. С. 157.
- 50 *Филюшкин А. И.* Методологические инновации в современной российской науке // Actio Nova. М., 2000. С. 7, 26.
- 51 См.: *Ярмахов Б. Б.* Дискурсивные формы в структуре повседневности // Наука и повседневность... С. 19, 21.
- 52 Например, дом — это хронотоп вечера, ночи и утра. Он имеет вполне непроницаемые, внешние границы (стены), его внутреннее пространство определяет то, о чем разговаривают, проживающие в нем персонажи.
- 53 См.: *Сенявский А. С.* Указ. соч. С. 28–31.
- 54 Социологические обследования общества в период 1917–1923 гг. не проводились.
- 55 См.: *Сенявский А. С.* Указ. соч. С. 28–31.
- 56 См.: *Казанин И. Е.* Власть и интеллигенция (исторический опыт формирования государственной политики в октябре 1917–1925 гг.). Волгоград, 2006. С. 50.
- 57 *Веселовский С. Б.* Записки 1924 г. // Отечественная культура и историческая мысль XVIII–XX веков. Брянск, 2004. Вып. 3. С. 221.
- 58 *Веселовский С. Б.* Дневники 1915–1923, 1944 годов / Подгот. к публикации А. Г. Макаров, А. Л. Юрганов // Вопросы истории. 2000. № 3. С. 105; № 6. С. 103; № 8. С. 96, 98, 105.
- 59 Там же. № 6. С. 103, 105; № 8. С. 99, 100; № 9. С. 120, 123.
- 60 Там же. № 3. С. 98, 103, 104; № 6. С. 101.
- 61 ЦАГМ. Ф. 2311. Оп. 1. Д. 20. Л. 10, 10 об., 11.
- 62 Там же. Д. 14. Л. 125, 125 об.
- 63 *Готье Ю. В.* Мои заметки // Вопросы истории. 1992. № 4–5. С. 113.
- 64 *Веселовский В. С.* Из воспоминаний 3. 09–11. 09. 1919 г. // Отечественная культура и историческая мысль XVIII–XX веков. Брянск, 2004. Вып. 3. С. 220.
- 65 ЦАГМ. Ф. 1564. Оп. 1. Д. 27. Л. 7.
- 66 Там же. Л. 119.
- 67 Там же. Л. 4.
- 68 Там же. Л. 9.
- 69 *Веселовский С. Б.* Дневники... № 8. С. 87; № 9. С. 115, 119.
- 70 Там же. № 8. С. 89; № 9. С. 120.
- 71 Там же. № 3. С. 105; № 6. С. 103; № 8. С. 87; № 9. С. 119.
- 72 ЦАГМ. Ф. 1564. Оп. 1. Д. 2. Л. 4.
- 73 *Веселовский С. Б.* Дневники... № 6. С. 103, 105; № 9. С. 120.
- 74 Там же. № 6. С. 102; № 8. С. 103–105.
- 75 Там же. № 8. С. 103.

- 76 Переписка С. Б. Веселовского с отечественными историками / Под ред. С. А. Левиной, Б. В. Левшина. Сост. Л. Г. Дубинская, А. М. Дубровский. М., 1998. С. 433.
- 77 Кром М. М. Историческая антропология. СПб., 2004. С. 123.
- 78 См. общие работы: Яров С. В. Горожанин как политик. Революция, военный коммунизм и НЭП глазами петроградцев. СПб., 1999; Лившин А. Я. Послереволюционная Россия (проблемы социально-политической истории. 1917–1927 гг.). М., 2000; Лившин А. Я., Орлов И. Б. Власть и общество: диалог в письмах. М., 2002; Лившин А. Я. Общественные настроения в Советской России. М., 2004; и др.
- 79 См.: Источниковедение новейшей истории России: теория, методология, практика / А. К. Соколов, Ю. П. Бокарев, Л. В. Борисова и др. М., 2004. С. 53.
- 80 Сальникова А. А. Указ. соч. С. 269, 270.
- 81 Там же. С. 272, 279.
- 82 Там же. С. 273.
- 83 Поляков Ю. А. Человек в повседневности (исторические аспекты) // Отечественная история. 2000. № 3. С. 130, 131.
- 84 В первую очередь произведения непрофессионального прозаического и поэтического творчества.
- 85 Соколов А. К. Социальная история России новейшего времени: проблемы методологии и источниковедения // Социальная история. Ежегодник, 1997. М., 1998. С. 73, 74.
- 86 Пушкарева Н. Л. Предмет и методы изучения истории повседневности... С. 15.

А. В. Мишина, А. С. Сенявский
Москва

Крестьянская политика большевиков в России и на Украине: общее и особенное (1917 – лето 1919 гг.)*

В годы Гражданской войны и военного коммунизма крестьяне оказались в крайне тяжелом положении. С одной стороны, в новом социалистическом государстве не предусматривалось места для мелкого земельного собственника, с другой стороны, захват помещичьей земли в 1917–1918 гг. («черный передел») навсегда закрыл крестьянам путь к отступлению. Для большевиков же крестьянское сословие было пережитком царской России, с которым пока приходилось считаться, поскольку оно не только составляло преобладающую часть населения страны, но и было основным производителем сельхозпродукции и источником людских ресурсов для формирования Красной армии.

Период Гражданской войны был также и периодом «военного коммунизма». Голод в городах и тяжелая обстановка на фронтах требовали от большевиков чрезвычайной политики, которая характеризовалась, прежде всего, чрезвычайными мерами в отношении деревни. Необходимость снабжения армии и городов продовольствием, отсутствие слаженного заготовительного механизма заставили новую власть при изъятии хлеба руководствоваться, прежде всего, методом принуждения. Сами большевики позже признавали, оценивая итоги этой политики, что «военный коммунизм» состоял в том, что государство брало у крестьян все «излишки», а нередко и часть необходимого для крестьянина про-

* Статья подготовлена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда. Проект № 07-01-00303а